

Ли Чжундэ прежде никогда не видел Седьмую принцессу — что могло связывать высокопоставленного придворного евнуха и опальную принцессу, влачившую существование в Холодном дворце?

Характер Седьмой принцессы прошлых лет Ли Чжундэ знал лишь понаслышке — та была тихоней, абсолютно не склонной к интригам. Однако, судя по донесениям, долетевшим до дворца, на сей раз принцесса, похоже, и впрямь претерпела некую перемену. Иначе как бы она осмелилась на столь дерзкий поступок, да ещё и исполнила его безупречно, не оставив ни малейшего изъяна?

Неважно, что именно с ней случилось и в чём заключалась эта перемена. Важен результат: силами одной лишь этой принцессы, всего за три дня, император Цяньин личным указом вернул её из императорской усыпальницы. Ли Чжундэ, искушённый в дворцовых делах, с первого взгляда понял — Седьмая принцесса отныне персона далеко не простая.

Посему, даже если формально она по-прежнему оставалась самой нелюбимой и опальной из принцесс, Ли Чжундэ ни в коем случае не смел проявлять к ней непочтительность.

В дворцовых стенах сегодня ты в грязи, а завтра — на небесах. Кто возьмётся предсказать?

Янь Лян слабо улыбнулась: «Благодарю за труды».

С этими словами она покорно последовала за Ли Чжундэ. Даже после долгой и утомительной дороги, когда силы были уже на исходе, на её лице не отразилось ни тени недовольства или обиды.

Видя это, Ли Чжундэ лишь утвердился в своей догадке.

Такие манеры, такая речь — чистейшей воды аристократизм. Дайте срок — и она непременно возвысится!

Ли Чжундэ провёл Янь Лян в Сандаловый чертог.

Чертог располагался в глухом уголке дворцового комплекса, и чтобы попасть внутрь, надлежало миновать Сандаловые ворота. Здесь император Цяньин предавался алхимии, внимал даосским наставлениям и собирал под своей сенью мастеров и людей с необычными дарованиями. В последние годы это было едва ли не самое оживлённое место во всём дворце.

Янь Лян бросила взгляд на ворота — те и впрямь поражали великолепием и изысканностью. Видимо, и сам император, и те, кто жаждал его милости, не поскупились на украшение этого места.

Увы, ни ворота, ни сам чертог недолго наслаждались своим блеском. «Смута у Сандаловых врат» — те самые ворота и дали ей имя.

Спустя три года император Цяньин, погрязший в поисках эликсира бессмертия, попадёт под полную власть соседского принца-заложника И Пу и в конце концов передаст тому всю державу.

Так что неудивительно, что ныне, заслышав о призрачном рецепте от Янь Лян, он с такой помпой велел вернуть её ко двору.

Переступив высокий порог Сандалового чертога, Янь Лян наконец узрела своего кровного

отца. Император Цяньин восседал на циновке, повернувшись к ней спиной, и беседовал с человеком, облик которого дышал некой «бессмертной» благодатью.

Глядя на эту сцену, Янь Лян едва сдержала усмешку.

Разве может один человек служить двум господам? Император в этом чертоге принимал и даосов, и буддийских монахов — молился и Будде, и Дао. Но если бы небожители и впрямь снизошли, разве стали бы они благоволить столь непостоянному человеку?

Как бы то ни было, на лице Янь Лян не дрогнул ни один мускул. Она тотчас опустилась на колени: «Приветствую Ваше Величество, отец».

Голос её по-прежнему звучал слабо, но каждое слово было произнесено отчётливо и ясно.

Император Цяньин прервался, обернулся и взглянул на дочь, распростёршуюся у его ног и сжавшуюся в комочек.

Хотя император и не питал к этой дочери ни капли родственных чувств, вид Янь Лян всё же резанул ему глаз.

Неужели дочь Сына Неба, Повелителя Девяти Пятей, может быть такой исхудалой и немощной?

Император даже не подумал о том, кому Янь Лян обязана своим нынешним состоянием. Лишь с лёгкой досадой в голосе молвил: «Поднимись».

На ногах она смотрится куда приятнее, чем сгорбившись на полу.

Янь Лян немедленно повиновалась.

«Нам доложили, — император, не теряя времени на предисловия, перешёл к сути, — что ты, по внушению покойной вдовствующей императрицы во сне, обрела для Нас рецепт пилюли бессмертия?»

Янь Лян, не поднимая головы, ответила: «Так точно».

«Тогда изложи его здесь, — повелел император, — дабы Государственный наставник мог его оценить».

Государственный наставник — тот самый, что сидел напротив императора.

Возможность восседать напротив императора и беседовать с ним о Дао — явное свидетельство высочайшей степени доверия и милости.

Янь Лян не взглянула на наставника, а почтительно, один за другим, стала перечислять составляющие рецепта.

Император Цяньин в искусстве алхимии был пока лишь дилетантом. Слыша названия вроде «женьшень» или «линчжи», он не находил в них ничего особенного, но и ничего подозрительного не усматривал.

Тогда он обратил взор на Государственного наставника, надеясь прочесть что-то на его лице.

По мере того как Янь Лян произносила рецепт, изумление на лице наставника становилось всё

явственнее.

Рецепт, который излагала эта девочка... был поистине гениален! Если бы удалось создать по нему пилюлю, польза от неё была бы несомненной для любого, вне зависимости от его телесной конституции.

Более того, в рецепт входило несколько ингредиентов, выводящих яды. Император все эти годы увлекался пилюлями, и в теле его, несомненно, скопилось немало «пилюльного яда». Приём этих ингредиентов непременно помог бы очиститься от части этой скверны.

Одним словом, независимо от того, насколько этот рецепт способствовал «бессмертию», он в любом случае был крайне полезен для здоровья императора. Тело обрело бы лёгкость, силы прибавились бы, ум прояснился, даже седина могла бы отступить, а кожа — подтянуться. Всё это было бы подобно возвращению молодости — разве не чудо пилюли бессмертия?

Если бы такой рецепт стал достоянием Поднебесной, за ним началась бы настоящая охота! Государственный наставник, считавший себя человеком осведомлённым, никогда не слышал о подобном снадобье. Откуда же взяла его эта юная дева?

Видя, как изумление и восхищение на лице наставника растут, император вспыхнул нетерпением: «Государственный наставник, рецепт и впрямь действен?»

Наставник тут же опомнился, погладил бороду и с необычайной серьёзностью произнёс: «Ваше Величество, у этого подданного есть несколько догадок. Можно ли обсудить их с её высочеством?»

То есть он желал говорить с Янь Лян наедине.

Император уже давно почитал Государственного наставника как почётнейшего гостя. Услышав такие слова, он сразу понял — рецепт, должно быть, и вправду обладает чудесной силой. Радость переполнила его, и он поспешно ответил: «Конечно, конечно! Государственный наставник, побеседуйте с... с нашей дочерью. У Нас есть неотложные дела, Мы наведаемся к наставнику позже».

Впервые представляя Янь Лян кому-либо, император, подумав, всё же назвал её «дочерью».

С этими словами он поднялся и удалился. На прощанье он бросил взгляд на Янь Лян. Та по-прежнему стояла, опустив голову, но теперь в глазах императора читалось уже не раздражение, а некое одобрение.

«Сяо Ци, — сказал он, — отвечай Государственному наставнику подробно и обстоятельно!»

«Слушаюсь», — отозвалась Янь Лян.

После ухода императора Государственный наставник слегка кивнул, и несколько евнухов, несших службу в Сандаловом чертоге, бесшумно скрылись. В чертоге остались лишь наставник и Янь Лян.

Видя это, Янь Лян подумала, что её кровный отец и впрямь, как и в прошлой жизни, слепо доверял Государственному наставнику. Даже такое важное место, как Сандаловый чертог, он позволял наставнику контролировать с лёгкостью, словно движением собственной руки.

Но это было к лучшему. Даже если бы наставник сам не предложил уединённой беседы, Янь

Лян нашла бы способ её добиться.

Причина была проста: ныне император Цяньин практически полностью находился под контролем наставника. Её же рецепт был предназначен для исцеления императора, тогда как наставник все эти годы стремился его отравить. Цели противоречили друг другу, и конфликт был неизбежен.

Поскольку это была вотчина наставника, Янь Лян, внезапно здесь появившаяся, прежде всего должна была получить одобрение хозяина.

В это мгновение Государственный наставник тоже разглядывал Янь Лян.

Взгляд у него был пронизательный.

О Седьмой принцессе, дочери покойной наложницы, он кое-что слышал. Но та, что стояла перед ним сейчас, никоим образом не походила на ту, о ком шла молва!

По крайней мере, та робкая и забитая дочь опальной наложницы никогда не вела бы себя с таким достоинством перед лицом императора и его самого.

<http://bllate.org/book/16273/1464935>